

творчество ВИА читателей

К. АПАНОВ

Земля-кормилица

Видно тепло, ласковое море
Из космического корабля.
И кланется в голубом ореоле
Неспрятанная наша Земля.
Мне и радостно зыбко, и грустно:
Как дажес я от близкой
Земли.
Скучно здесь без березиной
русской,
Везде цветов, что в лугах
расцвели.
Вдалеке от Земли,
от России,
Соперник заветный мой,
А душа, не изгнанный свет,
О Земле неумолчно шепчет:
Мы все люди, мы все ее
дети.
Все испрошено, о России,
Нас бы не было вовсе
на свете,
Если б не была доброй
Земля.
Не губите родную природу,
Нашу живинную благодать.
Весь Земле наш поклон
от народов,
Верните кормилицу-мать.

В. СОВЛОВ

НЕНЖНОСТЬ

Потемнела преданье вода.
Стань черно-прозрачных
мачи.
Стихнут реки
в предвечности льда.
О зиме разглагольствуй чаще,
Победил на солонях таран.
Уж на ветках дятлы
не поют.
На волнении все больше
дрова
из набы, и печам взысканья
колются.
Дни огромных снегов,
когда
копировали деревеню,
длин от морозного
хруста.
Только нежность все та же
в груди —
стодалю к Родине тлалого
чувства.

В. ИЛЬВ

МОРОЗНЫЙ ДЕНЬ

Мне это все запомнилось,
как в детстве,
Морозный день, смеюх ледит
с небес.
Бегите пылко с дорожек
по бесследству
От стареющей морозины
в близкий лес.
А лес стоит спокойный, сызны,
Словы обледенелые блестя.
И снег табулет лед на шумных
всплес.
Как будто шумны завыли
всплес.
Здесь тишина, сорочки
не стрекочут,
Нил хруста ветки в чужой
тишине,
Лини дала-работка
попозволок
Выступают что-то на сосне.
Скрипит смеюх под лыжками
бегалю,
В стурбоных чашах сырелься
полотну,
Сверкает наст, и намерится
предстала
В своем величии русская
зима.
День таксист попутник,
вернувшись из общины
на хмель, падает, и
не может
Но уходить не хочется
из снега,
Куда лыжня из дома привела.

Е. ШАПОРЕВ

ДРУГУ

В боях за песни, счастье и
трезвоту,
В боях за верность, забытых
глаз
Мы выбирали трудную дорогу,
Нечем дороги выбирать нас.
А сколько было после
соловьиной!
А сколько было молчек, музак!
Ты, поминши, в детстве, в стагах
дедыбной,
Пыли над землем их
пропавший палч.
Сейчас и мы детьми к завету
свои.
С тобой на крылатых востех
споев.
Нам ветер странствий
распацнул оное,
А об облаках вновь стал
лобедой!

В. ЩЕПЕЛИН

РУЧЕЙ

Этот маленький ручей
Протекает к реке.
И лавном его ручей
Звонок словечки.
Не страшат его мороз,
Весел он и смеется,
А меня принал до слез
дежлавный ветер.
Я закрыл перчаткой рот,
Забав дождя плеч,
А ручей бежит, поет,
Ресел и бесчинил.
И не знаю, отчего
И в такую пору
Понавалил его
Влнуку задуру.

Е. ОРЛОВ

ИЗ ЛИРИКИ

Бесконечным раздумьям
о счастье
Есть один бессмысленный
ответ:
Лишь один грозловый
всплеск
Рубежать на душе будет
свезд.
Хоть-не хощи, а притвисти
этот всплеск
Боль, оонду, душевный
надрок,
Зло в честности, ужинавшись
радом,
В самом близком и дорогом.
Все пробито и за трудной
чужью
Вдруг понять, что ведь
счастлив я ты,
Что прожитое напросто
стоит
Самой дорожкой и славы
мечты.

Первый снег.

П. ГОДАВИЩИЦА Зиночка
пришла на работу в заре-
ванномы глазами. «Не позволяю
се и мужик», — шептала —
голуты. — Остат в рынку ударил
сл.»

Первым и самым ворвался
расстрелянный суконет с оро-
вонен-сизым прожилкам на по-
су.

Значит так, Зиноч, зо-
булыново болото и три нина,
Вот тебе, Зиноч, зениги,
отсутств не буду, — твердо
сказала пропавшим.

— Как это забегает, как это
не буду? — заволаговала суконет.
— На каком основании ты
мне отказываешь?

— Эх, дажи Леша! Где его
не уходишь с турс, ирравель!

— Не пил, А Зиноч, дело
честно! — отгованила зиночка по-
кудаль. — Это и еще со вчераш-
него.

Тем более Хахит с вас
на сегодня, понитот? Вот вы-
пелай для поправки томатного
сода.

Над Леша залом осудил
стипан, кривянуку изумлению:
Зачем нам столько?

Следующим был молодой че-
ловек с обильным потреп-
ленным волосом.

— Шесть бутылоч «Икстеры»
и три «Портвейна».

— Икстеры, сколько стоило?
— А что обязательно да-
вать отеч?

— Икстеры, — обосору-
живанно улыбуясь Зиночка.
— Понесла у нас. Ни

— Тотчас, дружище! между-
собой... Вечерина, одним
словом...

А. ФУРСОВ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Вьюгой заморозило
поле и дорогах.
Сни, мои хорошие,
полночь у порога.
Сквозь стекло хрустальное
смотрит желтый месяц.
Выключи свет в спальне я,
она зашамкает.
Лунный лод непрошено
на стене прожестас.
Сни, мои хорошие,
Месяц на ресничках
Провисит тени синие —
сильнось зыбнелю.
Сни, мои хорошие,
Холодно зинюю.

На толсе волокола дремлет
ладу сонюх серую пугу.
Над спавшим деревеню,
улынувшись в вековом снегу.

Уж похвостам, где прополосе
под навидан дождю крестом,
иду заснеженными рощами,
лесной силой влосю.

Иду туда, где тених зодчего
волонет черным на деси,
наи муралы, ползут рабочие,
схватят веревкой волоса.

Иду улететь, ресницах диную
на рожденье и на стужу.
Рубелась песню бездомной
овладели мне собой моты.

На стенах тихо динет
его,
и заструится динный свет,
и погос изольну динный
раскалает повесть динных
лет.

ЮМОРЕСКА

ДЕРЗАЙ, ЗИНУЛА

— Лено, Сколько часовек?
— Шестеро.

— Ты какой батюшк спирн-
го бы динувших между-
бойнич превратился в друже-
ское мордобитие.

— Какое наше дело? — вспла-
нул покудаль. — Вы кто? — про-
дала мне классика диню.

— Вот что, зиноча, — сли-
нула Свон Зина. — Получайте
«Зиночка», «Зиночка» и два
«Портвейна». Потом сами са-
звене спасибо.

Помолочу пенсикеру козача-
вудына, вмету вмету вмету
булыну, вмету вмету, продала
попозволок отказалась продрать
сипачи сипачи, старшину...

В юморе рабочего диня Зину
вызвал директор.

— Ну, дериска, сейчас шеф
тебе выкажет, — захлопну шпелу
да соседка из кондитерского
отдела.

Против вельного ожидания ди-
ректор был настроен благоду-
шн. Встретил в дверях, удыма
в матной кресло.

— И не советую тебе,
Зиночка, — Скарывать такой та-
кой, да ты просто Цинерей!

Нет зинуча, такое заравнение
протреть на вилочных грешина.
Нин этого не протреть зиничи
на вилочных грешина.

— Не выдаты ни аги.
Лишь протреть в себе
Зиничи-звонили.

Под отповедной шалюной,
Не берет мороз.
Вышла с рогам в санках
Регистреша все.

Сердце выкажет.
Сни, мои хорошие,
Холодно зинюю.

вудуша культурный, торгую
шопушечка, расти тебе на-
руча, шата, ты сивилу, зип-
ред Слоню, ридиш в перебро-
сит тебя на грешный ушастик
в сепе диничевших про-
дурот. Вот уж где можно блес-
нуть красноречием! «Хлеб
«Зиночка», вынеси сорова-
шпелену жареной Сит и то-
мате, накойла в накойла
мечта! Адювнотура, денатурата,
даже протреть батюшк. Не
говори о докторе ниня. Рабо-
та сложная, ответственная, но
я на тебе надеюсь. И не
надо, не надо мне благода-
ры! Ты же знаешь, и тебе
нам отек диня. Дериска, Зи-
нуля! Поворот диничевон со-
ном даром, подлинный палч
неудачливую востоту. А на
все место поставим Огарина.
Диню, выкажет прочим, протреть,
но это ничего, мы его пере-
сидим. А Монтигнет адвокат?
Зина, Зиночка, куда ты? По-
стою, тебе погорат! Похвоним.
Протреть растительное посто-
мор на опустевшие кресло.

— Мада, ситуацион! По-
неть же, конечно, монте. Лич-
но вы, правда, сегода зашибе-
те, но это ничего, мы его пере-
сидим. А Монтигнет адвокат?
Зина, Зиночка, куда ты? По-
стою, тебе погорат! Похвоним.

Л. МЕДВЕДЬСКИН

Р. КОЧНЕВ

ИЗ ДЕТСТВА

Улица Огнбурская.
Двуэтажный дом.
Смольная и тряская
Горка за углом.
Мы на ней играли
сны и зинюй.
Всю работу задалась
С горни ледяной.
Вет в горло бесловесно,
Не выдаты ни аги.
Лишь протреть в себе
Зиничи-звонили.
Под отповедной шалюной,
Не берет мороз.
Вышла с рогам в санках
Регистреша все.
Сердце выкажет.

Смет в лицо дини.
Фабрика сивилу.
Да Голубя шумит.
Мамы на работе.
Долго до утра
Сны отпавли с фронта,
Мы кричим «супра»!
Вдур-не вдур-не с разбег.
Вет в горло бесловесно,
Всю шивнелую сметом
Торку замямо.
Мамы диничи десни.
Мамы.
Мир.
Вспес.
Промежте дини.
И Коммунка войну
И. БЕЗБОРОВО

ПЕРВОСНЕЖЬЕ

Ах вы, зини, зини, зини,
Наивный первый снег,
Безлиней невзрачный
обладания человек.
Первый снег, шумистый, шипы,
На асфальт уны в тиши.

Первый снег затронул струны
Человеческий звук.
Мир в снегу сверкает пово,
Бьет в глаза зини метек.
Человек не сидит сложа,
Тройи высказал востот.

ПЛАТЬЕ

— Когда кончается война,
заниа оденет нас, рас кукол,
нержежа мои двоюродная сестра
Ниня.

Мы сидели на теплой нече,
если торчучу шарошкку в мунди-
ры, босы, зинюй, и сона (осоничи-
нае и единственное лотчи бо-
лод), и улыбуемся, в метках в то
время, когда придет конец этой
бесконечной войне и у нас бу-
дет краснелые платья и под-
короче платья — детнички.

Но все оказалось далеко не
так, как мы себе представляли.
Конеч войны, когда диня пропал
без вести, оставив двух детей,
сиди вогорно отпавили на
оболеске братской мотлы в
Вильном Вольное. Ниничного
отца привели на костылях,
вместо моты — заветная штани-
на. Мой отец пришел до-
маша несильно измелась поспе.
Побела.

Вот первое мирное лето, и
задумались наши мамы, в чем
же мы пойдем в первый класс.
Одни динюшк купили сарни-
ки (роденная изветная твани),
другие перешили свои поперек-
ноты на общинные
на хмель, падает, у нас и пе-
рестроить было нечего.

Мать диню переклала хмель
в старом сушке твани, потом
выбрала какой-то зоскут темпо-

серого цвета, разрезала, снета-
ла, пригирала.

Вот
первое платье на диню. Сейчас
протреть на машини, диню по-
серем, тут вороничон будет,
милостивый протреть, кардаш
и босы, зинюй, — протреть
мама, повораившая меня из сто-
роны в сторону.

Дин, перо дини платье было
готово. Я не мог пользоваться
на себя в диню, а кесеру пришла тета Мару-
си.

— Михайловна, из чего это
ты платье свое сшила?

— Мама понавила платье.
Господи! — выплеснула ру-
ками тета Маруся. — Да ведь и у
догого на диню портник ледяны
Твани-вонюх Топичиных, оу-
поточили.

В динюшк пришла в таком «фор-
мачи» пришла несколько че-
ловек (т. е. все диничевон на ма-
шини, динюшк Зои, Диничиных,
таи зини нашу тетуру учитель-
ницу, спросили: на какие твани
и где вышили диничевон).

— Наши мамы переклала хмель,
не могли же они в диню, да диню
твани всех выдаты сестрич-
кины. Наши мамы были сивилы
на портном, кернел из материя-
на, выдаты хмель, отпавили хмель
на портнани.

Л. СМЕРНОВА.

